

Пётр Пороховщиков

**ИСКУССТВО
РЕЧИ
НА СУДЕ**

RUGRAM

Москва
2022

УДК 821.161.1
ББК 83.3(2Рос-Рус)
П59

Пороховщиков, П.

П59 Искусство речи на суде. П. Пороховщиков / М. : Т8 Издательские технологии / RUGRAM, 2022. – 394 с. – (Этикет XIX века).

ISBN 978-5-521-78316-8

В серии «Этикет XIX века» мы расскажем вам о правилах этикета для мужчин и женщин.

Данная серия интересна фактами быта прошлого, а также «редкими» материалами, не публиковавшимися с конца 19 века.

УДК 82-31
ББК 84 (2Рос=Рус)
ВІС FC
BISAC FIC000000

ISBN 978-5-521-78316-8

© RUGRAM, оформление, 2022
© Т8 Издательские технологии, 2022

П. СЕРГѢИЧЪ.

НЕ КОПИРОВАТЬ

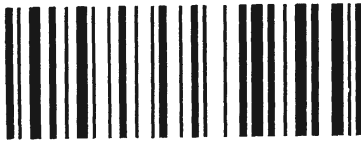
ИСКУССТВО РѢЧИ

НА СУДѢ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
СЕНАТСКАЯ ТИПОГРАФІЯ
1910.

*This above all: to thine own self be true,
And it must follow, as the night the day,
Thou canst not then be false to any man.*

Hamlet, I, 3.

2005347144

*Просмотрите эти замѣтки, читатель; если что
покажется полезнымъ,—прочтите; если нѣтъ,—бросьте книгу
и будьте здоровы.*

*С.-Петербургъ
14 Февраля 1910 г.*

ГЛАВА I.

О слогѣ.

Чтобы быть настоящимъ обвинителемъ или защитникомъ на судѣ, надо умѣть говорить; мы не умѣемъ и не учимся, а разучиваемся; въ школьные годы мы говоримъ и пишемъ правильнѣе, чѣмъ въ зрѣломъ возрастѣ. Доказательства этого изобилуютъ въ любомъ изъ видовъ современной русской рѣчи: въ обыкновенномъ разговорѣ, въ изящной словесности, въ печати, въ политическихъ рѣчахъ. Наши отцы и дѣды говорили чистымъ русскимъ языкомъ, безъ грубостей и безъ ненужной изысканности; въ наше время, въ такъ называемомъ обществѣ, среди людей, получившихъ высшее образованіе, точнѣе сказать, высшій дипломъ, читающихъ толстые журналы, знакомыхъ съ древними и новыми языками, мы слышимъ такіа выраженія, какъ: *позавчера, ни къ чему, ни по чему, тринадцать душъ гостей, номеръ вмѣсто умерь, вынивалъ, вмѣсто пилъ, занять пріятелю деньги*; мнѣ приходилось слышать: *заманулъ и обманулъ*.

На ряду съ этими грубыми орфографическими ошибками разговоръ бываетъ засоренъ ненужными вводными предложениями и бессмысленными междометіями. Будьте внимательны къ своимъ собесѣдникамъ, и вы убѣдитесь, что они не могутъ обойтись безъ этого. У одного только и слышно: такъ сказать, какъ бы сказать, какъ говорится, въ нѣкоторомъ родѣ, все-жъ таки; это послѣднее слово, само по себѣ далеко не благозвучное, произносится съ какимъ-то змѣинымъ попи-

помъ; другой поминутно произносить: *ну*; это слово — маленький протей: *ну, ну — ну, ну — те, ну — те-съ, ну-ну-ну*; третій между каждыми двумя предложеніями восклицаетъ: да! — хотя его никто ни о чемъ не спрашиваетъ и риторическихъ вопросовъ онъ себѣ не задаетъ. Окончивъ бесѣду, эти русскіе люди садятся за работу и пишутъ: я жалуюсь на нанесеніе мнѣ *побой*, — онъ ничего не помнитъ, что съ нимъ произошло, — дерево было *треснуто*, — всѣ *положились* спать. Это — отрывки изъ слѣдственныхъ актовъ. Въ постановлѣніи одного столичнаго мирового судьи я нашелъ указаніе на обвиненіе нѣкоего Чернышева „въ кражѣ торговыхъ правъ, выданныхъ губернаторомъ на право торговли“. Впрочемъ, мировые судьи завалены работой; имъ некогда заниматься стилистикой. Заглянемъ въ недавніе законодательные матеріалы; мы найдемъ слѣдующія примѣчательныя строки:

„Между преступными по службѣ дѣяніями и служебными провинностями усматривается существенное различіе, обусловливаемое тѣмъ, что дисциплинарная отвѣтственность служащихъ есть послѣдствіе самостоятельнаго, независимо отъ преступности или непроступности даннаго дѣянія, нарушенія особыхъ, вытекающихъ изъ служебно-подчиненныхъ отношеній обязанностей, къ которымъ принадлежитъ также соблюденіе достоинства власти во внѣ-служебной дѣятельности служащихъ“.

Въ этомъ отрывкѣ встрѣчается только одно не русское слово; тѣмъ не менѣе, это настоящая китайская грамота. Необходимо крайнее напряженіе вниманія и разсудка, чтобы уразумѣть мысль писавшаго. Въ русскомъ переводѣ это можно изложить такъ: служебныя провинности, въ отличіе отъ служебныхъ преступленій, заключаются въ нарушеніи обязанностей служебной подчиненности или несоблюденіи достоинства власти внѣ службы; за эти провинности устанавливается дисциплинарная отвѣтственность. Въ подлинникѣ 47 словъ, въ переложеніи — 26, т. е. почти вдвое меньше. Не знаю, есть ли

преимущества въ подлинникѣ, но въ немъ несомнѣнно есть ошибка, замаскированная многословіемъ. По прямому смыслу этихъ строкъ различіе между должностнымъ преступленіемъ и проступкомъ заключается не въ свойствѣ дѣянія, а въ порядкѣ преслѣдованія; это все равно, что сказать: убійство отличается отъ обиды тѣмъ, что въ одномъ случаѣ обвиняетъ прокуроръ, а въ другомъ частное лицо. Писавшій, конечно, хотѣлъ сказать не это, а нѣчто другое. Нѣсколькими строками ниже читаемъ: „*проявленіе* неспособности или неблагонадѣянности можетъ *возбудить* вопросъ о прекращеніи отношеній служебной подчиненности“. Здѣсь отвлеченному понятію *проявленіе* приписывается способность къ разсудочной дѣятельности.

Примѣромъ законченнаго законодательнаго творчества можетъ служить ст. 531 уголовного уложенія: „*Виновный въ опозореніи* разглашеніемъ хотя бы въ отсутствіе *опозореннаго*, обстоятельства, его *позорящаго*, за сіе оскорбленіе наказывается заключеніемъ въ тюрьмѣ“.

Въ торжественномъ засѣданіи Академіи Наукъ въ честь Льва Толстого ученый изслѣдователь литературы говоритъ, что предполагаетъ „коснуться творчества великаго писателя *со стороны* лишь нѣкоторыхъ, такъ сказать, его *сторонъ*“. Чтобы пояснить свои основныя воззрѣнія и быть вполне понятнымъ для аудиторіи, онъ высказываетъ нѣсколько разсужденій о человѣческомъ познаніи и между прочимъ объясняетъ, что „*раціональное мышленіе нерационалистично*“, и что „*будущее будетъ очень психологично*“. Самая задача, поставленная себѣ ораторомъ относительно Толстого, заключается въ томъ, чтобы „заглянуть, если можно такъ выразиться, въ его *нутро*“. Въ томъ то и дѣло, что такъ нельзя выражаться.

Черезъ мѣсяцъ или два, 22 Марта 1909 г., въ томъ же высокомъ учрежденіи тотъ же знатокъ родной словесности говорилъ: „*особая, исключительная, великая гениальность* Го-голя“. Это втрое хуже, чѣмъ сказать: всегдашній завсегдайт.

Слыхали вы, что существуетъ обыкновенная, заурядная, мелкая гениальность?

Въ статьѣ проф. Н. Д. Сергѣевского „Къ ученію о религіозныхъ преступленіяхъ“ (Журн. Мин. Юст., 1906 г., № 4) встрѣчаются слѣдующія выраженія: „*тяжесть* наказанія этого преступленія можетъ быть не *высока*“, — „еврейская и христіанская религіи признаютъ сверхъ-чувственного Бога, въ существѣ своемъ стоящаго превыше всякихъ челоуѣкоуподобительныхъ персонификацій“, — „религіозныя убѣжденія служатъ почвою образованія ряда особыхъ преступныхъ дѣланій, *окрашенныхъ религіознымъ моментомъ*.“

Это писалъ поклонникъ чистой русской народности! И чѣмъ больше мы будемъ искать, тѣмъ больше найдемъ такихъ примѣровъ.

Но гдѣ же причина постыднаго упадка богатаго языка? Отвѣтъ всегда готовъ: виноваты школа, классическая система, неумѣлое преподаваніе.

Пушкинъ ли не былъ воспитанъ на классикахъ? Гдѣ учились И. О. Горбуновъ или Максимъ Горькій?

Скажутъ, виноваты газеты, виновата литература: писатели, критики; если такъ пишутъ творцы слога и ихъ присяжные цѣнители, мудрено ли, что тѣ, кто читаетъ ихъ, разучились и писать, и говорить? Съ такимъ же правомъ можно спросить: какъ не стать воромъ судѣ, который каждый день судить воровъ? или: какъ не побѣдить тому, кого побѣждаютъ враги?

Нѣтъ, виноваты не только школа и литература, виноваты каждый грамотный челоуѣкъ, позволяющій себѣ невниманіе въ своей разговорной и письменной рѣчи. У насъ ли нѣтъ образцовъ? Но мы не хотимъ ихъ знать и помнить. Тургеневъ приводитъ слова Мериме: у Пушкина поэзія чуднымъ образомъ расцвѣтаетъ какъ-бы сама собою изъ самой трезвой прозы. Удивительно вѣрное замѣчаніе, — и дѣлаетъ его иностранецъ. Перепишите стихи пушкинскихъ элегій, не раздѣляя ихъ на рифмованныя строки, и учитесь по этой прозѣ.